

Зеркало, ответь скорей,
Кто на свете всех прекрасней?

Она лежала на горящем костре. Раскаленные угли обжигали спину. Белые искры туманили взгляд, но милость забвения не приходила. Голос охрип от криков. Запах горячей плоти охватил ее ноздри. Дым застилал глаза. Пузыри лопались на коже, и целые куски плоти отслаивались, обнажая кости.

Боль была невыносимой, агония не прекращалась. Она молила о смерти, но смерть не наступала.

Она пыталась выбраться из костра, но угли рушились и осыпались под весом ее тела, погружая все в пепел и гарь.

Сквозь дым она заметила добрый взгляд.

Теплую улыбку. Палец, направленный на нее. *Иди сюда, сестренка...*

Левана задохнулась и подпрыгнула, запутавшись в тяжелых одеялах. Простыня была холодной и влажной от пота, но кожа по-прежнему горела от кошмара. Горло казалось ободраным изнутри. Левана попыталась сглотнуть, но вкус слюны, напоминавший дым, заставил ее вздрогнуть. Она села в постели под дрожащим утренним светом, пытаясь забыть пережитое во сне. Кошмар преследовал ее столько лет, что казалось, от него никогда не удастся сбежать.

Левана терла руки до тех пор, пока не убедилась, что огонь не был настоящим. Она не горела живо. Она находилась в своих покоях, в безопасности.

С дрожащим дыханием она передвинулась на другую сторону постели, подальше от простыней с пятнами пота. Боясь закрыть глаза, Левана уставилась на балдахин и медленно дышала, пока сердце наконец не унялось в груди.

Она попыталась отвлечь себя, представив, кем будет сегодня.

Перед ее глазами пронеслись тысячи возможностей. Конечно, Левана будет красивой, но ведь красота бывает разной. Тон кожи, волосы, форма глаз, длина шеи, правильно расположенные веснушки, изящность походки.

Левана разбиралась в красоте не меньше, чем в уродстве.

Затем она вспомнила, что сегодня похороны. Она недовольно простионала. Удерживать чары целый день перед толпой народа очень утомительно. Ей не хотелось идти, но выбора не было.

Не самый лучший день, чтобы сосредоточиться. Ее потревожили кошмары. Пожалуй, лучше выбрать что-то знакомое.

Воспоминания о сне постепенно уходили на задний план, и Левана решила, что в этот день примет облик своей матери, королевы Джанна-ли — но не в день ее смерти, а возможно, когда той было пятнадцать лет. Это будет данью уважения — прийти на похороны со скулами и ярко-фиолетовыми глазами матери. Конечно, все будут знать, что это лунные чары, но вслух никто сказать не осмелится.

Левана несколько минут представляла, как мать могла выглядеть в юности, и позволила чарам окутать ее. Волосы лунного цвета, стянутые в гладкий низкий узел. Бледная, словно лед, кожа. Рост — чуть ниже, чем сейчас. Светло-розовые губы, чтобы не отвлекать внимание от ярких глаз.

Погружение в чары успокоило. Но, даже не успев оценить образ, Левана почувствовала, что это неправильно. Ей не хотелось идти на похороны родителей в облике «теперь-уже-мертвой-девочки».

Стук в дверь отвлек от мыслей.

Левана вздохнула и быстро приняла другой образ, придуманный несколько дней назад. Оливковая кожа, изящный носик и иссиня-черные очаровательно короткие волосы. Она примерила несколько оттенков глаз, остановилась на потрясающем серо-голубом с приковывающими взгляд черными ресницами.

Перед тем как оценить свой второй образ, Левана добавила серебристый драгоценный камень в уголок правого глаза.

Слезинка. Чтобы показать, что она скорбит.

— Войдите, — велела Левана, открывая глаза.

Служанка вошла в спальню, держа поднос с завтраком. Сделала реверанс, не поднимая взгляда, — старания Леваны оказались напрасными — и подошла к постели.

— Доброе утро, Ваше Высочество.

Приподнявшись, Левана позволила девушке поставить поднос ей на колени и подоткнуть салфетку. Служанка налила жасминовый чай

в фарфоровую чашку, расписанную вручную и привезенную с Земли несколько поколений назад. Добавила два листочка мяты и каплю меда. Затем взяла поднос с крошечными пирожными, наполненными кремом, чтобы Левана могла увидеть их целиком, прежде чем разрезать серебряным ножом на маленькие кусочки. Левана окинула взглядом блюдо с разноцветными фруктами: ломтики мягкого персика в окружении черных и красных ягод, посыпанных сахарной пудрой.

— Желаете чего-то еще, Ваше Высочество?

— Нет, это все. Пришли через двадцать минут другую служанку. Пусть подготовит мое траурное платье.

— Конечно, Ваше Высочество, — ответила девушка, хотя обе знали, что другой служанки нет. Каждая служанка во дворце была *другой*. Для Леваны не имело значения, кого пришлют, лишь бы этот человек мог одеть ее в прекрасное серое платье, доставленное швеей накануне. Леване не хотелось утруждать себя еще и выбором платья. Не сейчас, когда в голове столько мыслей.

Еще раз поклонившись, служанка выбежала из комнаты, оставив Левану перед подносом с завтраком. Левана только теперь поняла, что

не голодна. Живот пронзила боль — возможно, после того ужасного сна. Или от печали, но в этом она сомневалась.

Левана не слишком расстроилась из-за смерти родителей, которая случилась половину долгого дня назад. Восемь искусственных ночей. Их гибель была невероятно кровавой. Их убил пустышка, воспользовавшийся своей неувязимостью перед лунными чарами, чтобы пробраться во дворец. Мужчина застрелил двух королевских стражников, пробрался в спальню родителей на третьем этаже, убил еще троих стражников и перерезал горло матери так глубоко, что повредил кости. Затем направился в другую комнату — туда, где лежал отец с очередной любовницей, и шестнадцать раз ударил его ножом в грудь.

Любовница, вся в брызгах крови, еще кричала, когда стражники ворвались в комнату. Убийца продолжал наносить удары.

Левана не видела тел, но, войдя на следующее утро в спальню, первым делом подумала, что цвет крови идеально подошел бы ее губам.

Она знала, что эта мысль не самая уместная. Но еще она знала, что королева Джаннали

подумала бы о том же самом, окажись она на месте Леваны.

Левана успела съесть несколько кусочков пирожного и пять ягод, когда дверь в спальню снова распахнулась. Она тут же разозлилась — служанка пришла слишком рано. На волне раздражения Левана быстро проверила, действуют ли чары, хотя в глубине души понимала, что не это должно заботить ее в первую очередь.

Но вместо безликой служанки в комнату ворвалась ее сестра.

— Чэннери! — рявкнула Левана, отодвинув поднос. Чай расплескался на блюде. — Я не разрешала тебе входить.

— Тогда стоило закрыть дверь, — возразила Чэннери, скользя по ковру, словно угорь. — Здесь много убийц, знаешь ли.

Она сказала это с улыбкой, без какой-либо тревоги. Да и с чего ей было тревожиться? Стражники казнили убийцу, как только обнаружили его — с окровавленным ножом в руке. Но Левана не была уверена, что во дворце нет других пустышек, достаточно злых и безумных, чтобы устроить новое покушение. Чэннери глупа, если не думает об этом.

И это настоящая проблема — Чэннери действительно глупа. И не только глупа, но и красива, а хуже этого сочетания и быть не может. Сестра Леваны отличалась прекрасной загорелой кожей, каштановыми волосами и темными карими глазами, которые, казалось, всегда улыбались. Левана верила, что красоту сестры поддерживают чары, ведь настолько ужасный внутри человек не может быть таким красивым снаружи, но Чэннери ни за что бы в этом не призналась. Еще ни разу иллюзия ее красоты не дала трещину. Глупая девчонка даже не боялась зеркал.

Чэннери уже оделась к похоронам, хотя скучный серый цвет ее платья был единственным признаком того, что оно траурное. Сетчатая юбка торчала почти перпендикулярно бедрам, словно костюм танцовщицы, а облегающий верх был усыпан тысячами серебристых камней. Широкие серые полосы на рукавах смыкались на груди, образуя сердечко. Внутри сердца была небрежно выведена надпись: *«По вам будут скучать»*.

Когда Левана увидела это, ее едва не стошнило.

— Что тебе нужно? — спросила она, пошевелив ногами под одеялом.